

4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ-ИО). Ф. Р. 294. Оп. 1. Д. 48. С. 42, 45, 46, 51, 57.
5. Осипов В. И. Хоккей с мячом: Сборная СССР / В. И. Осипов. – М. : Физкультура и спорт, 1984.
6. Синявский В. А. Хоккей с мячом – народная игра : сборник / В. А. Синявский. – Иркутск, 1986.
7. Хоккей с мячом: Справочник-календарь на 1966-67 гг. / сост.: В. Ходий. – Дорожный совет ДСО «Локомотив», 1966.

ТРЕТЬЯКОВ В. В.

**ПОНЯТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА
В «МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ»
А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКОГО**

Историческая наука не творит исторический процесс, а целенно обнаруживает его главные проявления. Для проникновения в этот процесс историк накладывает на историческую реальность определенные формы знания. Отсюда возникает и проблема метода – метод позволяет историку связывать знания и тот аспект реальности, к которому он обращается. Дело, следовательно, не столько в содержании аспекта исторической реальности (оно может быть любым), сколько в его соотнесенности с формой знания. Эта соотнесенность определяется методологическим приоритетом исследователя, следуя которому, он и придает историческому процессу те или иные очертания. Впрочем, есть нечто общее, что сообщает весьма различным сочинениям историков характер собственно исторических. Размышления об этом общем, о его природе и содержании являются отличительной чертой науки как способа постижения мира; плоды размышлений и воплощаются в том ее аспекте, который обычно связывается с понятием методологии. Считая, например, Геродота «отцом истории», мы делаем известное допущение, ведь становление истории как науки неразрывно связано с формированием ее фундаментальных основ. В исторической науке этот процесс разворачивается в XIX в., и главной проблемой, которой были подчинены методологические искания историков XIX – начала XX вв., стало обоснование истории как науки. В отечественной историографии этот процесс широко разворачивается с середины XIX в. В работах российских историков того времени были сформулированы многие теоретические положения методологического характера, которые и до сих пор не утратили своей значимости.

Стремление разрешить назревшую проблему было обусловлено, прежде всего, потребностями самой науки. Обратим внимание на замечание Л. Н. Хмылева о том, что в России методология истории формировалась как одна из отраслей исторической науки, что и обуславливало ее отличие от философии истории и социологии [5, с. 76]. Ее разработчиками стали «философствующие историки» (такой термин употребляет, например, А. В. Малинов [3]) Н. И. Кареев, П. Н. Миллюков, В. М. Хвостов, Р. Ю. Виппер и мн. др. Характерным для времени становления методологии истории выступает то, что эти историки сами разрабатывали ее основы и сами же реализовали свои теоретические изыскания, главным образом, в учебных университетских курсах. Если признать, что отечественная методология истории конституировалась как особая историческая дисциплина в конце XIX – начале XX вв., к чему располагает появление в это время ряда специальных работ, то творчеству А. С. Лаппо-Данилевского принадлежит в этом становлении исключительная роль.

Выпускник Петербургского университета, работавший над магистерской диссертацией под руководством профессора Е. Е. Замысловского, Лаппо-Данилевский формировал свои исторические взгляды под влиянием идей С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского, М. М. Ковалевского и Н. И. Кареева, К. Д. Кавелина и С. Ф. Платонова. Творческое отношение к идеям этих выдающихся историков в сочетании с присущей ему энергией работы над историческими источниками позволило выстроить Лаппо-Данилевскому оригинальную концепцию методологии истории.

В отечественной историографии закреплено положение, что Лаппо-Данилевский первым в отечественной методологии истории провел различие по предмету и методу между социологией и историей, обосновал специфику исторического метода и его отличие от естественно-научного и социологического метода (см., напр.: [1, с. 41]). Для Лаппо-Данилевского методология истории – это учение о принципах и методах исторической науки, в структуре которого он тщательно разделяет три части: учение об историческом методе, методология исторического источниковедения, методология исторического построения [2, с. 18–20]. Вслед за В. О. Ключевским, придававшим особое значение изучению основных исторических понятий, Лаппо-Данилевский формулирует одну из главных задач методологии истории – исследование понятий-

ного аппарата исторической науки. «Методология истории, – пишет он, – обсуждает основания исторического знания и способствует выработке обоснованной системы исторических понятий; специальные исследования не могут дать такой системы: они только готовят материал для нее, но система согласованных между собой исторических понятий устанавливается путем рассмотрения и формулировки основных принципов исторического знания и методического их раскрытия, возможно более последовательно проводимого сквозь всю историческую науку» [2, с. 11]. Поставив вопрос таким образом, Лаппо-Данилевский, тем самым, сформулировал и еще одну весьма актуальную проблему исторического познания, имеющую методологический характер.

Один из главных вопросов, который стремились разрешить историки (в том числе и Лаппо-Данилевский) уже в то время, в качестве основы имел ту предпосылку, что в развивающемся историческом знании XVIII–XIX вв. все четче проявлялась потребность различения точек зрения на историю как процесс и историю как знание о прошлом. В социальном познании в связи с этим сформировалась даже своеобразная противоречивая ситуация. С одной стороны, соотнесенность этих точек зрения очевидна, ведь история как знание не сложится без исторической реальности, а история как процесс существует только как форма знания. Но, с другой стороны, явная увлеченность гегелевской идеей рассматривать весь окружающий мир как находящийся в постоянном движении входила в противоречие со многими началами позитивистской методологии, например, с ее нацеленностью на установление законов движения общества, с ее уверенностью в предсказуемости исторического развития.

Лаппо-Данилевский не просто осмысливает очевидные противоречия в познавательной ситуации, обозначившиеся в исторической науке, но стремится найти пути выхода. Противоречивая ситуация не существует вне сознания исследователя, она находит в нем свои основания. С одной стороны, его притягивал позитивизм, с другой – он замечает слабые стороны позитивистской методологии, ориентировавшей исследователя на связанность эмпирическим началом. С одной стороны, он разделял многие положения неокантианства, с другой – отмечал слабые стороны неокантианской методологии, с ее абстрактной отвлеченностью от реальных процессов и формальной функциональ-

ностью, исключавшей роль уникального в истории общества. Разрешая подобные противоречия, Лаппо-Данилевский становится на позиции приятия самого гуманитарного знания как строго научного, что обосновывается им через утверждение об единстве и системности объекта в самом себе. Мир как целое существует для Лаппо-Данилевского лишь как сложное системное образование, доступное человеческому восприятию через познание сущностных фрагментов реальности [2, с. 220]. Поэтому и историю отдельного народа, государства Лаппо-Данилевский видит как часть мировой истории: история единичного, согласно его взглядам, может быть познана только через ее интерпретацию по отношению к системности мира и человечества (см.: [4, с. 239]). Отсюда проистекает и подчеркивание им особой роли личности, создающей своей деятельностью культурные продукты человечества, изучая которые, историк и познает историю человечества в ее целостности и многообразии.

Пытаясь разрешить сложившуюся в исторической науке противоречивую познавательную ситуацию, Лаппо-Данилевский пошел по пути различения номотетического и идеографического подходов. Но на что, собственно, обращает внимание Лаппо-Данилевский? Он рассматривает познавательные возможности того и другого подходов с точки зрения возможностей построения конкретной исторической действительности, возможностей представить историю не как застывшую схему, а показать ее как реальный процесс. Конечно, нужно учитывать, что понимание самого процесса Лаппо-Данилевским основывалось, прежде всего, на идее эволюции, что было в целом свойственно социальной мысли его времени. Однако особенность его методологического подхода проявилась, прежде всего, в том, что он подчеркнул ряд аспектов, выявление которых позволяет историку обнаруживать динамические характеристики исторического процесса.

Критика Лаппо-Данилевским взглядов представителей номотетического подхода развивается им по ряду направлений. Прежде всего, он обращает внимание на то, что сторонники этого подхода не уделяют внимания пространственно-временным аспектам исторического процесса, без знания чего историк не в состоянии оценивать действия субъектов исторического процесса [2, с. 131]. Номотетическое построение модели исторического процесса основывается на общем и пренебрегает единичным. Но

оно всегда будет ущербно, как считает Лаппо-Данилевский, и потому, что в нем абсолютизируется принцип причинно-следственной связи. Это, с одной стороны, позволяет делать обобщения, но, с другой стороны, эти обобщения нередко буквально беспочвенны, так как «...непрерывной связи между предшествующим фактом и последующим в области истории установить нельзя, не исходя из заранее данного фактического отношения...» [2, с. 135]. Пожалуй, наиболее важные возражения Лаппо-Данилевского вызывает то, что сторонники номотетического направления нередко рассматривают действие человека как мотивированное и при этом мотивацию приравнивают к причине. Но в таком случае нет различия между действием, вызванным стремлением к удовольствию, и актом, совершенным ввиду требований сознания. Между тем, замечает Лаппо-Данилевский, свобода воли проявляется лишь во втором случае: «Человек свободен не тогда, когда он – игрище своих страстей, а тогда, когда он свободно подчиняет себя идее должного, которую он черпает из собственного сознания; ...когда он поступает... на основании им самим представляемой себе нормы» [2, с. 136]. Движение в истории человека осуществляется лишь в силу присущего ему творчества. Фактор творчества придает историческому процессу поступательный характер, а поэтому сама человеческая личность выступает у Лаппо-Данилевского началом исторического процесса.

Завершая разбор позиций номотетиков, Лаппо-Данилевский приходит к выводу, что свойственное этому подходу стремление к обобщению затрудняет построение исторического процесса, а, доводя подобные представления до крайности, он даже указывает, что «...историк-социолог... останавливает ход истории и не в силах представить ее в движении», а потому не может понять «...почему в данном пункте пространства и в данный момент времени одно состояние общества сменилось другим» [2, с. 140].

Идеографическое направление, напротив, согласно взглядам Лаппо-Данилевского, позволяет обосновать непрерывность исторического процесса, поскольку индивидуальные события рассматриваются как взаимозависимые: «...лишь принимая во внимание историческую связь между индивидуальными событиями и развитием культуры, можно представить себе непрерывную цепь соотношений» [2, с. 218]. Идеографический подход позволяет отображать исторический процесс в его динамике как после-

довательную смену элементов, каждый из которых занимает определенное место в хронологических пределах данного целого [2, с. 221]. Идеографическое объяснение позволяет выделять части и, что особо важно, обнаруживать связи: через это формируется знание о целом, каждая часть которого имеет индивидуальный характер, уникальна и, следовательно, не может быть заменена чем-то другим [2, с. 221]. Сами связи, согласно логике Лаппо-Данилевского, существуют как отношения между общественным союзом и государством, и, следовательно, связь для него есть содержание процесса.

Немало проблем выделяет Лаппо-Данилевский и в идеографическом направлении: здесь весьма сложно построить целое, поскольку отдельные фрагменты нередко трудно сопоставимы; имеются значительные трудности в воссоздании картины исторического процесса, поскольку затруднено выявление значения отдельных звеньев (поэтому, замечает Лаппо-Данилевский, идеографы и не ставят вопрос о том, каким образом понятие развития конструируется) [2, с. 228]; наконец, в этом направлении практически не уделяют внимания свойствам исторических объектов, что весьма затрудняет объяснение исторических тенденций.

Подытоживая разбор позиций сторонников обоих направлений, Лаппо-Данилевский подчеркивает, что их разделенность существует в теории, а в конкретно-историческом исследовании они переплетены [2, с. 230]. Однако, как можно заметить из вышесказанного, речь скорее идет о взаимодополнении, что фактически и обосновал Лаппо-Данилевский. Следуя по ходу критического разбора Лаппо-Данилевским позиций представителей двух подходов, можно выделить несколько значимых, с его точки зрения, аспектов понятия «исторический процесс». Он затрагивает ряд моментов, которые включаются им в содержание понятия об историческом процессе, и которые должен учитывать историк при воссоздании образа исторической действительности: это понятие отражает динамическую сторону жизни общности; динамический момент исторической реальности выражается в последовательной смене состояний общности, т. е. в процессе; каждое состояние характеризуется спецификой отношений между основными элементами общности; существенные стороны отношений могут быть поняты только с учетом деятельностного начала, имеющего свою специфику в каждой общности; деятельностное

начало порождает фрагменты исторической реальности (исторические факты), сведения о которых содержатся в исторических источниках.

Представление Лаппо-Данилевского о понятии «исторический процесс» можно детализировать в связи с разработкой им определения объекта исторического познания. В данном разделе своего исследования он отталкивается от понятия об исторической действительности, которая может существовать лишь как представление и выражаться в виде высказывания о том, что содержится в сознании исследователя. Но вопрос, следовательно, в том, на чем может основываться представление об уже давно прошедшем? Это основание Лаппо-Данилевский видит в понятии об изменении: «Понятие об изменении, – пишет он, – можно формулировать следующим образом: в том случае, если я... отношу к одному и тому же объекту два различаемых мною... содержания моего сознания и признаю такие содержания объективно существующими и сменяющимися друг друга во времени, я, в сущности, и говорю об “изменении”» [2, с. 233]. Таким образом, знание об исторической действительности выражается в суждении о содержании представления об изменении. С этим, следовательно, должна связываться и возможность изучения исторического процесса. Но пока эта возможность обосновывалась Лаппо-Данилевский лишь логически. Чтобы сам исторический процесс представить как реальность, доступную опытному познанию, он переводит понятие об изменении из логического в онтологический аспект и теперь рассматривает изменение «...в объективно-реальном его значении, т. е. в качестве факта, происходящего... в действительности» [2, с. 233]. В сознании, согласно логике Лаппо-Данилевского, складывается образ факта, который формируется у историка в ходе работы с источником. Знание об изменении формируется на основе источника, а поэтому оно доступно восприятию историка.

Итак, Лаппо-Данилевский обосновал возможность исторического познания: историк может воспроизводить историческую реальность, поскольку он имеет возможность выявлять изменения, происходящие с изучаемым объектом. Согласно Лаппо-Данилевскому «... историк интересуется понятием... об изменении в состоянии того, что пребывает, т. е. понятием об изменении, действительно происходящем (или происходившем) во вре-

мени» [2, с. 233]. Однако, как уже отмечалось, понимание процесса у Лаппо-Данилевского основывается на идее эволюции, а эта идея в своей реализации требует выделения не столько единичного, сколько общего, выявления тенденций. Но понятием «изменение» у Лаппо-Данилевского акцентируется внимание на индивидуальном, что затрудняет выявление общего; на это обращает внимание сам автор, характеризуя идеографический подход. Поэтому, чтобы представить общее через индивидуальное, Лаппо-Данилевский использует понятие о развитии, которое, в соответствии с логикой автора, «служит историку для объединения своего знания об отдельных фактах (хотя и не для обобщения их); изучая, каким образом то, что есть, стало именно тем, что оно есть, он размещает факты по их историческому значению и в их реальной связи в данном эволюционном целом» [2, с. 224]. Из этого видно, что понятие «развитие» у Лаппо-Данилевского выступает, главным образом, как более широкое по отношению к понятию «изменение»; оно позволяет, по логике автора, объединять отдельные факты в стройную последовательность. Поэтому этим понятием в методологических построениях Лаппо-Данилевского отражается лишь общее направление движения сложного объекта.

Из приведенного выше положения Лаппо-Данилевского следует также, что понятием «развитие» он одновременно обозначает и упорядоченность звеньев исторического процесса, как с точки зрения их значимости в этом процессе, так и последовательности протекания в нем. Однако эти замечания позволяют сделать вывод о том, что в концепции методологии истории Лаппо-Данилевского это понятие не выполняет какой-либо особой функции и в целом может считаться тождественным понятию «процесс». Нужно, правда, заметить, что сам Лаппо-Данилевский считал, что историк самостоятельно может вырабатывать общие понятия и применять их в зависимости от познавательных целей (см.: [2, с. 229]).

Надо отметить и еще один момент, характеризующий отношение Лаппо-Данилевского к понятию исторического процесса. Он полагает, что историк должен выстраивать динамический образ исторической реальности. Но такой образ требует учета фактора времени. Однако, как видно из приведенных выше положений, сам Лаппо-Данилевский непосредственно связывает временной фактор с понятием «изменение». Объяснить это можно

тем, что Лаппо-Данилевский приемлет многие идеи Канта. Более того, там, где в «Методологии истории» речь идет о проблемах исторического познания, Лаппо-Данилевский обстоятельно ссылается на Канта. Но как историк, признававший особенное значение индивидуального в историческом процессе, Лаппо-Данилевский в данном случае старается приспособить кантовские идеи к познанию эмпирическому. Согласно Канту, добываемый наукой факт не объективен, не существует сам по себе, а появляется только в результате опыта. Тем более, указывает Лаппо-Данилевский, это относится к историческому факту: он лишь отражен в источнике и реально не существует, он произведен от наблюдения (см.: [2, с. 277]). Поэтому, чтобы его познать, нужно отыскать некую величину, позволяющую увидеть факт как часть мира. Этой величиной у Лаппо-Данилевского выступает время. Онтологизируя понятие «изменение», он «онтологизирует» и время – оно уже даже не столько длительность, сколько последовательность, скорее даже – переход от одного состояния к другому. Представляется, фактор времени в методологической концепции Лаппо-Данилевского не имеет особенного значения, но понятие времени выполняет важную функцию – служит организации процессуальности образа исторического процесса.

«Методология истории» – труд, подготовленный ученым, написавшим уже много сочинений по истории России. Лаппо-Данилевский интересовался многими вопросами, но главный аспект, привлекавший его внимание как историка, – развитие отношений между государством и обществом в их движении от состояния средневекового растворения русского общества в государстве до установления пусть своеобразного, но все же консенсуса между ними. Работая в этом направлении, он одним из первых в отечественной историографии обратился к поиску оснований исследования исторического процесса. Обобщая принятые им теоретические положения в своей методологической концепции, А. С. Лаппо-Данилевский способствовал развитию исторического знания, в том числе – представлений об историческом процессе.

Литература

1. Дорошенко Н. М. Российская методология истории (философские подходы) / Н. М. Дорошенко. – СПб., 2005. – 176 с.
2. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории / А. С. Лаппо-Данилевский. – М., 2006. – 472 с.

3. Малинов А. В. Методология истории А. С. Лаппо-Данилевского в контексте развития русской философии истории // Историческая наука и методология истории в России XX в. – СПб., 2003. – С. 226–235.

4. Медушевская О. М. Концептуальное единство философии и эмпирической науки // Историческая наука и методология истории в России XX в. – СПб., 2003. – С. 236–246.

5. Хмылев Л. Н. Проблемы методологии истории в русской буржуазной историографии конца XIX – начала XX в. / Л. Н. Хмылев. – Томск, 1979. – 172 с.

ТУРЧАНИНОВА Е. А.

ИЗ ИСТОРИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ХАКАССКОЙ АВТНОМНОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

С сожалением приходится констатировать, что на данном этапе развития государственной системы здравоохранения в нашей стране наблюдается определенное ослабление профессиональных качеств медицинских работников. Подтверждением тому являются становящиеся печально известными так называемые «врачебные ошибки», возникающие вследствие халатности медицинских работников; участвовавшие судебные иски, с которыми обращаются пациенты подобных «горе»-врачей в судебные инстанции и т. п.

Исходя из всего сказанного, хочется вспомнить опыт складывания системы здравоохранения в советскую эпоху. Кокретно мы рассмотрим борьбу с трахомой и борьбу с кишечной инфекцией на территории Хакасской автономной области. В СССР в области здравоохранения тоже было многое далеко от идеала: показатели и цифры намеренно завышались. Но, в целом, задачи, стоящие перед медиками, выполнялись, и при этом речь здесь идет о высочайшем профессионализме врачей, во многом создававшим качественно новые структуры государственной системы здравоохранения, о которых в данном регионе (Хакасии) на протяжении долгого времени не могло идти и речи.

Вплоть до начала XX в. в Хакасии профессиональная медицина как таковая практически отсутствовала и врачеванием занимались шаманы, использующие траволечение, заговоры и т. д. Профессиональная медицина стала создаваться советским государством приблизительно в 20-е гг. XX в.